

Глава 4

БЁМ-БАВЕРК И ТЕОРИЯ КАПИТАЛА

4.1. Введение

Второй по важности вклад в развитие австрийской школы после ее основателя сделал Ойген фон Бём-Баверк (1851—1914), самый блистательный из последователей Карла Менгера. Бём-Баверк был профессором политической экономии сначала в Инсбруке, потом в Вене и несколько раз занимал пост министра финансов в правительстве Австро-Венгерской империи. Он не только усовершенствовал и углубил созданную Менгером субъективную теорию, но и существенно расширил область ее применения, разработав теорию капитала и процента. Бём-Баверк написал выдающийся труд «Капитал и процент» (*Kapital und Kapitalzins*, 1884—1902), который, несмотря на название, представляет собой полноценный экономический трактат. В нем Бём-Баверк выстроил австрийскую теорию капитала вокруг субъективной, динамичной теории цен. (К счастью, большая часть этой работы уже опубликована на испанском, так что наши студенты имеют возможность закрыть традиционную дыру в университетском курсе по экономике, в котором просто отсутствует анализ теории капитала, являющейся ключом к пониманию рыночного процесса*.)

* Здесь уместно вспомнить печальную историю русского перевода второго тома этой книги (первый том благополучно вышел в 1909 г.). Перевод был практически подготовлен к печати в издательстве «Прогресс» еще в 1992 г. Однако, к несчастью, издательству принадлежало огромное здание в центре Москвы. Неразумные действия директора, связанные с гарантированием кредита на съемки некоего кинофильма, где обеспечением выступало здание, занимаемое издательством, привели к его банкротству. Нам удалось разыскать только две главы того перевода. Остальное придется переводить заново. — *Прим. ред.*

Помимо разработки теории капитала, Бём-Баверк подверг сокрушительной критике все существовавшие к тому времени теории возникновения процента, причем его критический анализ был особенно точен в отношении марксистской теории эксплуатации и теорий, связывающих процент с предельной производительностью капитала. Более того, Бём-Баверк выдвинул совершенно новую теорию происхождения процента, опирающуюся на субъективную реальность *временных предпочтений*. Как мы уже видели, первым этот принцип выявил томист Лессин, а Мартин де Аспилькуэта обнаружил его в трудах Лессина в конце XVI в. Хотя предложенное Бём-Баверком объяснение процента не лишено недостатков, что под конец невольно привело ученого к теории предельной производительности капитала, блистательно раскритикованной им же самим в первом томе работы, он заложил основу теории капитала и процента, которая позднее была доработана и доведена до логического конца такими авторами, как Фрэнк Феттер (Fetter 1977) и Людвиг фон Мизес (Mises 1996; Мизес 2005). А теперь обратимся к основным принципам теории капитала в том виде, как ее разработал Бём-Баверк, а потом довели до совершенства его главные последователи.

4.2. Человеческая деятельность как последовательность субъективных этапов

Будем исходить из того, что *человеческая деятельность* — это любое обдуманное поведение (Mises 1996; Мизес 2005). Как мы уже видели, человек действует ради достижения определенных *целей*, которые ему представляются важными, и ради этого он использует *средства*, которые считает подходящими. Термины *ценность* и *полезность* обозначают психическую оценку действующим субъектом своих целей и средств. Средства по определению должны быть *редкими*: если бы действующий субъект не считал их таковыми, он бы не принимал их в расчет до начала деятельности. Цели и средства не «даны», но, напротив, возникают из предпринимательской деятельности людей, которая, как мы видели в главе 2,

представляет собой именно создание, открытие или просто осознание того, какие цели и средства жизненно важны для действующего лица в каждой совокупности обстоятельств, встречающейся на его пути. Когда у человека возникает уверенность, что открыл цели, которых стоит добиваться, он вырабатывает представление о доступных средствах, могущих ему помочь в этом. Затем он включает их, почти всегда неявным образом, в *план* действий, к реализации которого он приступает *по собственному решению* (*act of will*).

Таким образом, *план* — это создаваемая воображением действующего лица мысленная картина всевозможных будущих *этапов*, элементов и обстоятельств действий. Ведь вся человеческая деятельность разворачивается во *времени*, причем здесь мы имеем в виду не детерминистское или ньютоновский смысл этого слова (т.е. просто физическое или аналоговое), а его субъективный смысл, т.е. субъективное восприятие времени действующим лицом в контексте его действий (O'Driscoll and Rizzo 1996, 52—70). Поэтому время — это экономическая категория, неотделимая от концепции человеческой деятельности. Невозможно представить действие, происходящее вне времени или не требующее времени для его совершения. Более того, человек воспринимает ход времени именно по мере действия и завершения разных этапов процесса деятельности. Человеческая деятельность, всегда направленная на достижение цели, т.е. на устранение некоего беспокойства, неизменно занимает время, в том смысле, что оно требует осуществления и завершения ряда последовательных этапов. Таким образом, от достижения выбранной цели человека отделяет некий период времени, необходимый для осуществления ряда последовательных этапов, из которых состоит процесс его деятельности.

В отношении субъективного представления о будущем всегда действует следующая тенденция: чем больше времени требует действие (т.е. с ростом числа и сложности последовательных этапов, в совокупности образующих действие), тем большую ценность имеет результат для действующего лица. В экономическом принципе, согласно которому чем больше времени требует деятельность, тем ценнее достигаемая ею

цель, нет ничего таинственного. В самом деле, будь это не так, т.е. если бы человек не считал более ценным результат более длительной деятельности, он бы никогда за нее не брался, а всегда выбирал менее продолжительную деятельность. Человека отделяет от цели именно определенный промежуток времени (т.е. время, необходимое для завершения всех этапов процесса деятельности). Таким образом, при прочих равных, ясно, что люди всегда будут стремиться достичь своих целей как можно быстрее и они будут готовы отложить достижение целей только при наличии субъективной уверенности, что тем самым достигнут чего-то более ценного.

Теперь обсудим логическую категорию *временного предпочтения*, согласно которой человек, при прочих равных, предпочитает удовлетворять свои потребности или достигать цели как можно быстрее. Иными словами, когда человек рассматривает две цели, имеющие для него равную субъективную ценность, он всегда отдаст предпочтение той, что ближе во времени. Проще говоря, наличные блага, при прочих равных, всегда предпочтительнее будущих. Этот закон временного предпочтения — еще один способ выражения важнейшего принципа, согласно которому каждый человек стремится как можно скорее достичь цели. Отсюда следует, что временное предпочтение — это не физиологическая или психологическая категория, а неотъемлемая часть логической структуры всякой деятельности, структуры, присутствующей в сознании каждого человека. Описанный выше закон тенденции и закон временного предпочтения — это просто два разных способа выражения одной и той же реальности. Согласно первому, люди предпринимая действия, требующие большего времени, только потому, что предполагают тем самым достичь более ценных целей; согласно второму, при прочих равных люди всегда предпочитают те блага, которые ближе во времени.

4.3. Капитал и капитальные блага

Термин *капитальные блага* обозначает то, что человек субъективно рассматривает как промежуточные этапы каждого про-

цесса действий. Иными словами, все промежуточные этапы, рассматриваемые человеком как таковые и воплощающие любой используемый им производственный процесс, представляют собой капитальные блага. Поэтому капитальные блага всегда следует рассматривать в *телеологической* перспективе, где важнейшими определяющими элементами являются цели и субъективные представления действующего субъекта об этапах, необходимых для их достижения (Kirzner 1996, 13—122).

Следовательно, капитальные блага представляют собой «экономические блага высоких порядков», теорию которых разработал Карл Менгер, или, иными словами, факторы производства, материализующиеся на каждом промежуточном этапе любого данного производственного процесса. Более того, капитальные блага возникают в результате накопления трех основных элементов: природных ресурсов, труда и времени, соединение которых обеспечивает задуманный и осуществляемый людьми процесс предпринимательской деятельности.

Непременным условием производства капитальных благ является сбережение, т.е. отказ от немедленного потребления. Действительно, в процессе деятельности человек в состоянии добраться до отдаленных и требующих все больших затрат времени промежуточных этапов, только если он прежде пожертвует возможностью предпринять действия, быстрее приводящие к результатам. Иными словами, он должен отказаться от достижения целей, которые могут быстрее удовлетворить потребности, а потому временно более неотложных (т.е. от потребления). Для иллюстрации этой важной концепции воспользуемся примером, который приводит Бём-Баверк для объяснения процесса сбережения и инвестирования в капитальные блага, осуществляемого отдельным человеком в ситуации полной изоляции — Робинзоном Крузо, живущим на острове (Böhm-Bawerk 1959d).

Предположим, что Робинзон Крузо только что попал на остров и занят тем, что вручную собирает с деревьев плоды, свое единственное пропитание. Он занимается этим дни напролет и собирает достаточно, чтобы выжить и даже быть сы-

тым. После нескольких недель такой жизни Робинзон делает предпринимательское открытие, что имея он шест длиной несколько метров, то мог бы сшибать плоды с верхушек, где их намного больше. Единственная проблема состоит в том, что, по его прикидке, ему потребуется пять полных дней на то, чтобы найти подходящее дерево, выломать нужную ветку и очистить ее от сучков и листьев. И на эти пять дней ему придется отказаться от сбора плодов. Чтобы осуществить свою идею, ему необходимо уменьшить потребление и накопить в корзинке запас еды на те пять дней, которые он будет занят изготовлением шеста. Составив план действий, Робинзон решает взяться за дело и начинает с того, что принимается каждый день делать *сбережения*, т.е. сокращать ежедневное потребление и откладывать часть добываемых плодов. Это и есть неизбежная *жертва*, но он готов пойти на нее ради достижения своей цели. Итак, он решает в течение десяти дней есть поменьше (иными словами, сберегать) и накапливать запас продовольствия, пока его не окажется достаточно, чтобы приступить к изготовлению шеста.

На этом примере Бём-Баверк показывает, что каждый процесс инвестирования в капитальные блага предполагает предварительное сбережение, т.е. сокращение потребления ниже потенциально возможного уровня. Накопив достаточно еды, Робинзон на пять дней оставляет свой промысел, чтобы найти подходящую ветку, выломать ее и сделать из нее шест. Чем он питается на протяжении этих пяти дней, когда возится с веткой, т.е. во время производственного процесса, заставившего его прервать ежедневное собирание ягод? Он просто потребляет то, что накопил в корзинке за предыдущие десять дней, когда обуздывал свой аппетит и ел не вволю. Если Робинзон не ошибся в расчетах, через пять дней у него будет подходящая палка (капитальное благо), представляющая собой промежуточный этап, отдаленный во времени (на пять дней) от процесса непосредственного производства (сбор плодов вручную), которым он до этого занимался.

Следует понимать, что *Робинзон должен как можно лучше координировать свое текущее поведение с обозримым будущим поведением*. Точнее говоря, он не должен предпринимать

действий, требующих слишком много времени по сравнению с его сбережениями: для него было бы трагедией остаться без плодов (т.е. съесть все, что удалось накопить), не доведя до конца процесс производства капитального блага и не достигнув, таким образом, своей цели. Ему следует избегать и того, чтобы сберечь больше, чем нужно для его будущих инвестиций, потому что при этом он сократит свое потребление сверх необходимого. Именно субъективная оценка своих временных предпочтений позволяет Робинзону должным образом приспособить свое текущее поведение к предугадываемым будущим потребностям или поведению. С одной стороны, тот факт, что его временные предпочтения допускают известную гибкость, позволяет ему в течение нескольких дней жертвовать частью текущего потребления в надежде, что удастся сделать необходимую ему палку. С другой стороны, тот факт, что у Робинзона есть временные предпочтения, объясняет, почему он направляет свои усилия на создание капитального блага, которое может изготовить за ограниченный период времени, причем для этого потребуются приносить жертвы (сберегать) ограниченное число дней. Как бы то ни было, важно понимать, что именно реальные сбереженные ресурсы (первоначально воплощаемые запасом плодов в корзине) позволяют Робинзону пережить тот период, когда он перестает собирать плоды, чтобы посвятить все время изготовлению капитального блага. По мере того как Робинзон в ходе требующего времени предпринимательского процесса, который ему удастся довести до конца благодаря накопленному запасу потребительских благ, соединяет свой труд с природными ресурсами, некоторые капитальные блага (сбереженные плоды) замещаются другими (деревянным шестом).

В современной экономике, где многие экономические агенты одновременно выполняют разные функции, функцией *капиталиста* является *сбережение*, иными словами, он должен потреблять меньше, чем создает или производит, чтобы обеспечить рабочих потребительскими благами, необходимыми для поддержания жизни в ходе производственного процесса. (Откладывая плоды, которые потом дают

ему возможность прожить те несколько дней, когда он занят изготовлением палки, Робинзон тоже действует как капиталист.) Таким образом, делая сбережения, капиталист высвобождает ресурсы (потребительские блага), которые могут быть использованы для содержания рабочих, направляющих свою энергию на этапы производства, удаленные от конечного потребления, т.е. на производство капитальных благ.

В отличие от примера с Робинзоном в современной экономике производственная структура крайне сложна и растянута на чрезвычайно длительный период времени. Она состоит из множества этапов, каждый из которых связан со всеми остальными и разделен на многочисленные вторичные процессы, используемые людьми при осуществлении несметного числа постоянно запускаемых проектов деятельности.

Например, *производственная структура* изготовления автомобилей включает сотни и даже тысячи этапов, требующих очень длительного времени (годы и годы), от момента, когда компания принимает решение о проектировании автомобиля (этап, дальше всего отстоящий от конечного потребления), заказывает у поставщиков все необходимые узлы и детали, которые проходят через всевозможные сборочные линии, обеспечивает поставки разных частей двигателя, комплектующих и пр., до тех пор, когда наступает черед этапов, ближе всего стоящих к потреблению, таких как транспортировка готовых машин к дилерам, раскручивание рекламной кампании, проведение презентации и продажа машин потребителям (Skousen 1990).

Ясно, что, подобно тому как разница между «богатым» Робинзоном, имеющим палку, и «бедным» Робинзоном, не имеющим оной, заключена в наличии капитального блага, которое он заполучил благодаря сбережениям, основное различие между богатыми и бедными обществами не связано с превосходством первых ни в прилежании и трудолюбии, ни даже в технологических знаниях. Основное различие вытекает из того факта, что *богатые народы располагают более разветвленной сетью капитальных благ, разумно — с предпринимательской точки зрения — инвестированных. Эти блага состоят из машин, инструментов, компьютеров, компьютерных*

программ, зданий, полуфабрикатов и пр. и существуют благодаря сбережениям, сделанным гражданами этих стран. Далее, капитальные блага, составляющие чрезвычайно разветвленную сеть, которая образует сложнейшую реальную производственную структуру современной экономики, *не вечны*, поскольку в ходе производственного процесса они физически изнашиваются (т.е. потребляются) или устаревают. Это означает, что, если человек хочет сохранить имеющиеся у него средства производства, он должен возмещать амортизацию или износ, а если хочет увеличить число этапов производства, удлинить процессы и сделать их более производительными, ему будет нужно накопить больше сбережений, чем того требуют строгие нормы амортизации, бухгалтерский термин для обозначения износа капитальных благ.

Кроме того, в качестве общего правила следует помнить, что, согласно австрийской теории экономических циклов, капитальные блага с трудом поддаются адаптации к новым целям (производственными процессам), и чем ближе они к этапу конечного потребления, тем труднее найти им новое применение. Так что, если обстоятельства переменятся, если действующий субъект изменит свои планы или поймет, что была допущена ошибка, произведенные до этого средства производства могут оказаться совершенно бесполезными или потребовать для нового использования очень дорогостоящих изменений.

Теперь рассмотрим концепцию *капитала*, которая, с экономической точки зрения, отличается от концепции капитальных благ. Будем считать, что капитал — это *рыночная ценность капитальных благ*, ценность, определяемая людьми, которые покупают и продают капитальные блага на свободном рынке. Таким образом, капитал — это просто абстрактная концепция, инструмент экономического расчета. Иными словами, это делаемая предпринимателями субъективная оценка или суждение о рыночной ценности капитальных благ, на основе которой они их покупают и продают, пытаясь на каждой сделке получить предпринимательскую прибыль. В отсутствие рыночных цен и субъективной оценки величины капитала, используемого на промежуточных этапах про-

изводственного процесса, в современном обществе не удалось бы оценить или рассчитать, превосходит ли конечная ценность товаров, произведенных с использованием капитальных благ, издержки производства и было бы невозможно координированным образом направлять усилия людей, участвующих в разных процессах деятельности.

Вот почему в социалистической экономике, не знающей ни свободных рынков, ни рыночных цен, пожалуй, можно говорить о капитальных благах, но не о капитале. Отсутствие свободного рынка и вмешательство государства в экономику, составляющие сущность социализма, в большей или меньшей степени исключают проявления предпринимчивости в области капитальных благ, вызывая систематическое межвременное рассогласование. Как мы увидим ниже, именно на этой идее строится австрийская теорема о невозможности экономического расчета при социализме. Дело в том, что в отсутствие свободного предпринимательства и свободных рынков денег и капитала невозможно осуществлять необходимые экономические расчеты относительно горизонтального и вертикального расширения разных этапов производственного процесса, результатом чего оказывается широкое распространение рассогласованности, которая разрушает общество и делает невозможным его гармоничное развитие. В предпринимательских процессах межвременной координации ведущую роль играет важная цена — цена настоящих благ в отношении к будущим благам, более известная как *ставка процента*, в современных обществах определяющая соотношение между потреблением, сбережением и инвестициями. Ее анализу посвящен следующий раздел.

4.4. Ставка процента

Как мы видели, люди, при прочих равных, всегда ценят настоящие блага выше, чем будущие. Однако относительная *психическая интенсивность* этого различия в субъективных оценках разных людей очень неодинакова и в зависимости от обстоятельств может значительно меняться на протяжении жизни одного человека. Это различие *психической ин-*

тенсивности субъективных оценок настоящих благ по сравнению с будущими благами, различие, отражаемое на шкале ценностей каждого действующего человека, означает, что на рынке, включающем множество экономических агентов, каждый из которых отличается собственными, причем изменчивыми временными предпочтениями, возникает и множество возможностей для взаимовыгодного обмена.

Соответственно люди с низким временным предпочтением охотно отдадут настоящие блага в обмен на будущие, ценность которых для них лишь ненамного больше, и заключат сделки, отдавая настоящие блага, то, что можно потребить сегодня, людям, имеющим более высокие временные предпочтения, т.е. тем, кто ценит настоящее намного сильнее, чем они. Присущие предпринимательству бдительность и творческая энергия порождают процесс, ведущий к установлению *рыночной цены* на настоящие блага в отношении к благам будущим. С точки зрения австрийской школы, *ставка процента* — это рыночная цена текущих благ, выраженная через будущие блага.

Таким образом, ставка процента — это цена, установленная на рынке, где поставщиками или продавцами настоящих благ являются те, кто *сберегает*; т.е. те, кто относительно больше готов отказаться от немедленного потребления ради более ценных благ в будущем. Покупателями настоящих благ выступают те, кто немедленно потребляет товары и услуги (будь то рабочие, собственники природных ресурсов, капитальных благ или какого-то сочетания того и другого). Рынок настоящих и будущих благ, на котором устанавливается ставка процента, *охватывает всю производственную систему общества*. Здесь те, кто делает сбережения, или капиталисты, отказываются от немедленного потребления и представляют настоящие блага владельцам первичных факторов производства (рабочим и владельцам природных ресурсов) и собственникам капитальных благ в обмен на право полной собственности на предположительно более ценные потребительские (и капитальные) блага в будущем, когда они будут произведены. Если убрать положительный (или отрицательный) эффект чистых предпринимательских прибылей (или

убытков), разница в цене в тенденции совпадет с величиной ставки процента.

Как подчеркивают экономисты австрийской школы, и это важно понимать, ссудный рынок, на котором можно получить кредит в обмен на обязательство вернуть его с соответствующим процентом, — это лишь сравнительно незначительная часть общего рынка, направляющего работу всей производственной системы, на котором настоящие блага обмениваются на будущие. Здесь собственники первичных средств производства (труда и природных ресурсов) и капитальных благ выступают в качестве покупателей настоящих благ, а те, кто делает сбережения, — в качестве их поставщиков. Поэтому рынок краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных кредитов — это просто часть гораздо более широкого рынка, на котором настоящие блага обменивают на будущие и в отношении которого он играет второстепенную и подчиненную роль, несмотря на то что для широкой публики заметнее всего именно ссудный рынок.

Во внешнем мире для непосредственного наблюдения доступны только цифры, которые можно было бы назвать *валовой*, или *рыночной*, *ставкой процента* (совпадающей со ставкой процента на рынке кредитов), и *валовые бухгалтерские прибыли*, порождаемые на каждом этапе каждого вида производительной деятельности. Первая из этих цифр — ставка процента, как мы ее определили (которую иногда называют первоначальной, или естественной, ставкой процента), плюс *премия за риск* по соответствующей операции, плюс/минус *премия за ожидаемую инфляцию/дефляцию*, т.е. за ожидаемое повышение или уменьшение покупательной способности денежной единицы, используемой в обмене настоящих благ на будущие и в расчетах подобного рода операций.

Вторая рыночная цифра, доступная непосредственному наблюдению, — это валовая бухгалтерская прибыль, приносимая конкретной производительной деятельностью на каждом этапе производственного процесса. В тенденции эта прибыль соответствует валовой, или рыночной, ставке процента, как мы ее определили в предыдущем абзаце, плюс/минус чистый предпринимательский прибыль/убы-

ток. Поскольку из-за конкуренции между предпринимателями предпринимательские прибыли и убытки на всех рынках стремятся к нулю, для каждой производительной деятельности бухгалтерская прибыль за отчетный период стремится к величине валовой рыночной ставки процента. Поэтому возможна ситуация, когда компания, несущая предпринимательские убытки, сообщает о бухгалтерской прибыли, когда последняя не достигает величины, превосходящей вмененную валовую/рыночную ставку процента на ресурсы, инвестированные капиталистом в течение финансового года.

В современной экономике текущее и будущее поведение приводятся в соответствие посредством предпринимательской деятельности на рынке, на котором настоящие блага обмениваются на будущие и устанавливается ставка процента, т.е. рыночная цена одного вида благ, выраженная через другой вид благ. Таким образом, чем изобильнее сбережения, т.е. чем больше предложение или объем продаж настоящих благ на рынке, тем, при прочих равных, ниже их цена, выраженная в будущих благах, и соответственно тем ниже рыночная ставка процента. Для предпринимателей это служит указанием на то, что существует большее количество настоящих благ, позволяющее им, увеличив длительность и сложность этапов их производственных процессов, тем самым сделав эти этапы более производительными. Напротив, чем меньше сбережений, т.е. чем меньше, при прочих равных, готовность экономических агентов отказаться от немедленного потребления в настоящем, тем выше рыночная ставка процента. Таким образом, высокая рыночная ставка процента показывает, что сбережения относительно невелики, т.е. для предпринимателей это безошибочное указание на то, что следует избегать чрезмерного удлинения различных этапов производственного процесса, чреватого утратой согласованности или адаптированности, представляющей опасной для перспектив устойчивого и гармоничного развития общества. Проще говоря, процентная ставка сообщает предпринимателям, какие новые производственные этапы или инвестиционные проекты они не могут и не должны осуществлять, а какие могут и должны, чтобы

поддерживать согласованность, насколько это в человеческих силах, поведения потребителей, инвесторов и тех, кто делает сбережения, и избегать того, чтобы разные этапы производства оставались слишком короткими или чрезмерно удлинялись.

Во всех современных экономиках процентная ставка в качестве рыночной цены или единого для общества коэффициента временного предпочтения играют ключевую роль в координировании поведения потребителей, производителей и тех, кто делает сбережения. Австрийская теория экономических кризисов, разработанная Мизесом и Хайеком, опирается именно на теоретический анализ последствий денежной политики манипулирования процентными ставками, ведущей к рассогласованию поведения экономических агентов и соответственно к искажению производственной структуры общества, неизбежным результатом чего оказывается болезненный процесс реорганизации или реконверсии в ходе экономического спада.

4.5. Бём-Баверк против Маршалла

Несмотря на вышеупомянутый временный альянс между австрийцами и неоклассиками в период спора о методах, или *Methodenstreit*, в последние годы XIX и в начале XX в. имел место еще целый ряд захватывающих дискуссий.

В первой из этих теоретических стычек участвовали Бём-Баверк и Маршалл. Австриец упрекал Маршалла в том, что в англоязычном мире тот препятствует ясному пониманию начатой Менгером субъективистской революции, и особенно в том, что он пытается реабилитировать старый объективизм Рикардо, по крайней мере в отношении предложения, используя для объяснения цен функции спроса и предложения. Действительно, Маршалл прибег к метафоре про знаменитые ножницы, два лезвия которых (спрос и предложение) совместно устанавливают равновесные цены на рынке. Маршалл хоть и соглашался, что спрос в основном определяется субъективными соображениями полезности, но при этом считал, что предложение определяется главным образом

«объективными» соображениями, в том числе историческими (т.е. «данными» и известными) издержками производства.

Бём-Баверк резко выступил против доктрины Маршалла, заявив: английский экономист игнорирует тот факт, что издержки — это также субъективная ценность (т.е. субъективная оценка целей, от которых отказывается действующее лицо), а денежные издержки — просто рыночные цены факторов производства, цены которых тоже в конечном счете определяются оценками полезности всех остальных альтернативных потребительских благ, какие могут быть произведены с их участием. Таким образом, не подлежит сомнению, что не одно, а оба лезвия знаменитых ножниц Альфреда Маршалла тесно связаны с субъективными оценками полезности (Böhm-Bawerk 1959c, 3:97—115; 1962a, 303—370).

4.6. Бём-Баверк против Маркса

Не меньшее значение имеет сокрушительная критика, направленная Бём-Баверком против марксистской теории эксплуатации, или прибавочной стоимости, вошедшая в первый том книги «Капитал и процент» (Böhm-Bawerk 1959a; Бём-Баверк 1909).

Бём-Баверк выдвинул против марксистской позиции следующие аргументы. Во-первых, не все экономические блага являются продуктом труда. *Природные ресурсы* редки и полезны для достижения людских целей, а потому представляют собой экономические блага, хотя не являются плодом труда. Более того, два блага, воплощающих равное количество труда, несомненно, могут иметь разную рыночную цену, если различаются необходимые для их производства *периоды времени*.

Во-вторых, ценность благ *субъективна*, потому что, как мы уже объяснили, ценность — это всего лишь оценка, формируемая действующим человеком и проецируемая им на средства, оцениваемые им по их важности для достижения определенной цели. Таким образом, блага, заключающие в себе большое количество труда, на рынке могут стоить очень мало или вовсе ничего, если действующий субъект

позднее поймет, что они бесполезны для достижения любой цели.

В-третьих, сторонники трудовой теории ценности виновны в неразрешимом противоречии и в совершении ошибки, порождающей порочный круг умозаключений: идея, согласно которой, с одной стороны, труд определяет ценность экономических благ, а с другой — ценность труда определяется ценностью экономических благ, необходимых для его воспроизводства и поддержания производительная способности рабочего, представляет собой пример порочного круга, потому что остается неясным, что именно определяет ценность.

И, в-четвертых, Бём-Баверку ясно, что сторонники теории эксплуатации не имеют никакого представления о законе *временного предпочтения* и соответственно о концепции, согласно которой при прочих равных настоящие блага всегда ценятся дороже будущих. Эта ошибка заставляет их настаивать на том, чтобы рабочие получали больше, чем они действительно произвели, потому что приверженцы этой теории доказывают, что денежная оплата труда рабочего должна быть равна всей стоимости произведенной продукции, полный цикл производства которой требует периодов времени разной продолжительности. Здесь есть только две возможности: рабочие могут решить, что будут ждать окончания полного производственного цикла и станут в итоге полными собственниками конечной продукции (как в кооперативах), либо они останутся на положении наемных работников и тогда получат авансом текущую стоимость конечной продукции (ее конечную стоимость, дисконтированную по ставке процента). Но требовать, чтобы рабочие сейчас получали полную стоимость продукции, производство которой будет окончено только в некоем отдаленном будущем, очевидным образом несправедливо, поскольку тогда рабочие будут получать больше, чем они в действительности произвели.

Кроме всего прочего, Бём-Баверк написал статью, посвященную демонстрации логических противоречий и непоследовательности Маркса, попытавшегося в третьем томе «Капитала» разрешить ошибки и противоречия первого тома

своей работы (Vöhm-Bawerk 1962b, 201—302; Бём-Баверк 2002, 3—135).

4.7. Бём-Баверк против Джона Бейтса Кларка и его мифической концепции капитала

В целом неоклассическая школа, приняв на вооружение традицию, предшествовавшую субъективистской революции, предполагает горизонтальную систему производства, в которой разные однородные факторы производства порождают потребительские блага и услуги. Не было даже попытки погрузить эти факторы в пространство и время через соотношение их с временной структурой стадий производства. В отличие от представителей австрийской школы, которые уделяют этому вопросу особое внимание. Статическая схема нашла отражение в работе Джона Бейтса Кларка (1847—1938), доведшего ее до логического завершения. Кларк был профессором экономики Колумбийского университета в Нью-Йорке, и его антисубъективистские построения в области теории капитала и процента до сих пор служат фундаментом неоклассически-монетаристского подхода.

У Кларка производство и потребление *одновременны*. С его точки зрения, производственные процессы не делятся на этапы и нет необходимости ждать в течение хоть какого-то периода времени, пока процесс производства даст результаты. Кларк рассматривает капитал как вечный или *постоянный фонд*, «автоматически» порождающий прибыли в форме процента. Согласно Кларку, чем больше этот общественный фонд капитала, тем ниже процент. В его модели временные предпочтения не оказывают никакого влияния на величину процента (Clark 1893, 302—315; 1895, 257—278; 1907). Более того, как мы увидим в главе, посвященной Хайеку, Фрэнк Найт, Стиглер, Фридмен и остальные члены чикагской школы целиком и полностью разделяют взгляды Кларка.

Очевидно, что развитая Кларком концепция производства представляет собой просто перенос на теорию капитала предложенной Вальрасом идеи общего равновесия. Как известно, Вальрас разработал экономическую модель об-

щего равновесия в форме системы *совместных** уравнений, предназначенных для объяснения того, как определяются рыночные цены разных товаров и услуг. С точки зрения теории австрийской школы, главным пороком модели Вальраса является то, что система совместных уравнений предполагает взаимодействие величин (переменных и параметров), которые во времени проявляются не одновременно, а *последовательно*, по мере того как действия участников экономической системы продвигают вперед процесс производства. Короче говоря, предложенная Вальрасом модель общего равновесия — это строго статическая модель, устанавливающая соотношение между величинами, неоднородными в плане времени: модель не учитывает время и описывает взаимодействие якобы одновременных переменных и параметров, которые в реальной жизни никогда не проявляются одновременно.

С точки зрения логики невозможно объяснить реальные экономические процессы с помощью экономической модели, в которой отсутствуют время и анализ того, что происходит при последовательном запуске рыночных процессов. Поразительно, что такого рода теория до сих пор широко принята в экономической науке и излагается в большинстве вводных курсов экономической теории. Почти все учебники начинают с объяснения модели «кругооборота дохода», описывающей взаимозависимость производства, потребления и обмена между разными экономическими агентами (домохозяйствами, компаниями и пр.). В этих объяснениях совершенно игнорируется роль времени в развитии экономических событий. Иными словами, эта модель опирается на предположение, что все действия осуществляются *одномоментно* — на ложное и безосновательное «упрощение», не только мешающее решению реальных, жизненно важных экономических вопросов, но и образующее почти непреодолимое препятствие для их обнаружения и анализа.

Бём-Баверк незамедлительно отреагировал на объективистскую позицию Кларка и его школы. Он, например, на-

* По-английски «одновременных». — *Прим. ред.*

звал предложенную Кларком концепцию капитала *мистической* и *мифологической*, указав на то, что процессы производства никогда не зависят от загадочного однородного фонда, а неизменно опираются на совместное действие конкретных капитальных благ, которые предприниматель должен сначала задумать, произвести, отобрать и соединить в рамках протекающего во времени экономического процесса. Более того, согласно Бём-Баверку, Кларк рассматривает капитал как своего рода «ценностной студень», или фиктивное понятие. Бём-Баверк проницательно предостерегает, что принятие подобной идеи чревато грубыми ошибками в будущем развитии экономической теории. Он с поразительной точностью предсказал, что принятие круговой статичной модели Кларка неизбежно приведет к возрождению давно дискредитированных доктрин недопотребления, и правота его была доказана появлением Кейнса и его школы (Böhm-Bawerk 1895, 113—131).

Теории, подобно созданной Кларком, связывающие процент с предельной производительностью, Бём-Баверк считает несостоятельными. Согласно ему, теоретики, утверждающие, что процент определяется предельной производительностью капитала, не способны объяснить среди всего прочего, почему конкуренция между предпринимателями не ведет к тому, чтобы текущая рыночная ценность капитальных благ была равна их ожидаемой производительности, что устранило бы разрыв между величиной издержек и ценностью производимой продукции. По верному замечанию Бём-Баверка, теории, основанные на производительности, — не более чем пережиток объективистской концепции ценности, согласно которой ценность определяется историческими издержками, понесенными при производстве различных товаров и услуг. Однако издержки определяются ценами, а не наоборот, и знание этого факта восходит по меньшей мере к Саравиа-де-ла-Калье. Экономические агенты идут на издержки, потому что считают, что цена производимых ими потребительских благ будет выше этих издержек. Тот же принцип применяется к предельной производительности каждого капитального лага, которая

определяется в конечном итоге *будущей* ценностью потребительских благ и услуг, которые можно будет произвести с помощью этого капитального блага. Дисконтируя эту величину, мы получаем текущую рыночную ценность капитального блага (не имеющую никакого отношения к издержкам на его производство).

Таким образом, происхождение и существование процента не должны зависеть от капитальных благ, а, как мы уже отметили, должны опираться на субъективные временные предпочтения людей. Легко понять, почему теоретики из школы Кларка—Найта пришли к ошибочной идее, что ставка процента определяется предельной производительностью капитала. Достаточно отметить, что для равенства процента и предельной производительности капитала необходимо следующее: во-первых, ситуация совершенного равновесия, в которой не происходит никаких изменений; во-вторых, концепция капитала как мифического фонда, который воспроизводит сам себя и не требует особых предпринимательских решений об амортизации; и, в-третьих, концепция производства как мгновенного, не занимающего времени «процесса». При соблюдении этих трех условий, абсурдных в силу своей нереалистичности, рента, приносимая средством производства, всегда равна процентной ставке. В свете этого факта нетрудно понять, что теоретики, воодушевленные синхронной, мгновенной концепцией капитала, были введены в заблуждение математическим равенством дохода и процента в подобной гипотетической ситуации и перешли отсюда к теоретически недопустимому выводу, что производительность определяет ставку процента, а не наоборот, как утверждают австрийцы. Члены австрийской школы считают, что от величины предельной производительности (т.е. от величины будущего потока доходов) зависит только рыночная цена каждой единицы средств производства, цена, которая тяготеет к величине текущего, дисконтированного (по ставке процента) потока ожидаемых доходов. В то же время повышение (или понижение) ставки процента (определяемой временным предпочтением) ведет к понижению (или повышению) текущей

ценности (рыночной цены) каждой единицы средств производства (независимо от издержек на ее производство) через соответствующий процесс дисконтирования (по ставке процента) ожидаемого будущего потока доходов, и ровно до тех пор, пока эта величина не совпадет со ставкой процента (и необходимой нормой амортизации) (Böhm-Bawerk 1959b; Mises 1996; Мизес 2005).

В общем, после гиперреализма историцистов Бём-Баверк теперь осудил гипореализм, т.е. недостаток, а вернее, полное отсутствие реализма в созданной Кларком и его приспешниками статической концепции капитала. Каждый производственный процесс занимает какое-то время, и прежде чем цель будет достигнута, нужно пройти через ряд этапов, имеющих форму чрезвычайно разнородных и изменчивых капитальных благ. Ни при каких условиях капитальные блага не воспроизводят сами себя; напротив, они возникают только постепенно, в результате конкретных предпринимательских действий и решений, без которых нам грозило бы проедание и полное исчезновение существующих капитальных благ.

Более того, как мы уже отметили, Бём-Баверк полагает, что цена капитальных благ определяется не историческими издержками производства, понесенными в связи с их созданием, а оценкой, дисконтированной по ставке процента, величины их будущей производительности, так что это производительность неизменно следует за величиной процента (определяемой временным предпочтением), а не наоборот.

Неоклассические экономисты считают, что равновесная ставка процента определяется одновременно предложением капитала и спросом на него, где субъективные соображения временных предпочтений определяют предложение, а предприниматели определяют спрос, исходя из предельной производительности капитала (т.е. из преимущественно объективных соображений). Этот подход схож с тем, который был разработан Маршаллом для определения установления цен на рынке, а Бём-Баверк и австрийская школа в целом отвергают его и подчеркивают, что, предъявляя спрос на средства, предприниматели выступают в качестве простых *посредни-*

ков, действующих от лица рабочих и собственников факторов производства, которые в конечном итоге и предъявляют спрос на настоящие блага в форме заработной платы и ренты, а в обмен передают предпринимателям собственность на будущие блага большей ценности (которые станут доступны, только когда завершится процесс производства).

Вот почему, с точки зрения экономистов австрийской школы, обе стороны — как предложение капитальных благ, так и спрос на них — зависят от субъективных временных предпочтений. Эта линия аргументации в области определения ставки процента воспроизводит ту, которую Бём-Баверк использовал, критикуя Маршалла за желание сохранить, хотя бы на одной стороне процесса ценообразования, старую объективистскую рикардианскую концепцию, характерную для классической школы экономической теории.

4.8. Визер и субъективная концепция альтернативных издержек

Еще одним часто цитируемым австрийским теоретиком является Фридрих фон Визер (1851—1926), свояк Бём-Баверка, который был университетским профессором сначала в Праге, а затем в Вене. Заслуживает внимания его существенный вклад в развитие менгеровской субъективистской концепции издержек, понимаемых как субъективная ценность, приписываемая действующим субъектом тем целям, которыми он жертвует в ходе действия (субъективная концепция альтернативных издержек). Стоит отметить и придуманный Визером термин *grenznutzen*, или предельная полезность (от *grenz* — граница и *nutzen* — полезность). Однако позднее стало ясно, что Визер находился в большей степени под влиянием не австрийской, а лозаннской школы. Собственно говоря, Мизес даже пишет, что Визер «не был творческим мыслителем и в целом был скорее вреден, чем полезен. Он никогда по-настоящему не понимал истинного смысла идеи субъективизма для австрийской школы мысли и в результате совершал много досадных ошибок. Его теория вменения несостоятельна. Его идеи о расчетах стоимости оправдывают

вывод, что его следует считать членом скорее не австрийской школы, а лозаннской (Леон Вальрас и др. и идея экономического равновесия)» (Mises 1978, 38).

4.9. Триумф модели равновесия и позитивистской теоретической модели

Вплоть до 1930-х годов экономисты использовали модель равновесия как своего рода вспомогательный интеллектуальный инструмент, предназначенный, методом от противного, для развития теории реальных рыночных процессов. Но в 30-е годы большинство экономистов перестали рассматривать модель равновесия как вспомогательный инструмент и постепенно начали воспринимать ее как единственный значимый объект исследований. В этот период неоклассические экономисты превратили модель равновесия в центральный пункт исследований, и экономисты в целом постепенно утратили интерес к изучению динамических рыночных процессов. В результате исследовательская программа австрийской школы оказалась в изоляции, а члены школы зачастую сами не осознавали того, что в доминирующей школе экономической мысли произошли кардинальные перемены. По словам Хикса, в действительности австрийцы вовсе не были особой сектой за пределами основного течения экономической науки. Более того, до этого периода именно они и представляли собой основное течение, тогда как остальные (ранние неоклассики, занимавшиеся моделью равновесия) пребывали за пределами доминирующей школы (Hicks 1973, 12).

Следует признать, что в течение ряда лет напряженность отношений между двумя концепциями равновесия — как вспомогательного инструмента или как фокальной точки исследований — оставалась скрытой. Свидетельство этого можно найти у Парето. В 1906 г. он признавал чисто вспомогательную роль модели равновесия, когда в связи с системой уравнений, описывающих равновесие, заметил: «С практической точки зрения, это находится за пределами возможностей алгебраического анализа... В этом случае роли поме-

няются, и уже не математика сможет помочь политической экономии, а политическая экономия поспешит на помощь математике. Иными словами, если бы все эти уравнения были действительно известны, единственный способ их решения заключался бы в том, чтобы наблюдать за реальными решениями, которые дает рынок» (Pareto 1971, 171). Однако в той же самой работе (Pareto 1971, 120), высказываясь об идее предложенных Эджуортом кривых безразличия, Парето заключает: в том, что касается определения экономического равновесия, реальный рыночный процесс и «индивидуум могут исчезнуть, при условии, что оставят нам фотграфию своих вкусов».

Это напряжение (или, вернее, противоречие) между реализмом и моделью равновесия проступает еще более рельефно, когда рассматривать все работы Парето. Как известно, он был не только теоретиком общего равновесия, но и видным социологом, давшим жизнь целой школе итальянской социологической мысли в области государственных финансов.

На вышеописанную эволюцию экономической мысли серьезно повлиял триумф панфизикализма и методологического монизма, т.е. идей Шлика, Маха и других позитивистов Венского кружка, которые требовали применения методов физики с ее постоянством функциональных отношений и лабораторными экспериментами во всех науках, в том числе и в экономической теории. Эту методологическую цель, которую Вальрас открыто позаимствовал при чтении трактата, написанного физиком Пуансо, полностью и безусловно разделял Шумпетер начиная уже с 1908 г., когда была опубликована его книга «Природа и сущность теоретической экономики».

Визер, который по крайней мере в сфере методологии оставался на позициях австрийской школы, дал резко критическую отповедь панфизикализму Шумпетера в рецензии на его книгу (Wieser 1911). В особенности он критиковал Шумпетера за уступки методологическому инструментализму (который позднее был взят на вооружение Милтоном Фридменом и позитивистами чикагской школы), а также за его попытку применить в экономической науке чуждые

ей методы физики и механики (ошибка, которую Хайек впоследствии окрестил «сциентизмом»). Эту ошибку особенно наглядно иллюстрирует случай Леона Вальраса. Он впал в нее, прочтя, чуть ли не в один присест, трактат физика Луи Пуансо, где описывается, как взаимосвязанные части физической системы удерживаются в равновесии действием противоположных сил. Вальрас сообщает, что читал книгу Пуансо в течение нескольких дней и решил использовать ее как модель своей исследовательской программы. С этого момента целью Вальраса было сделать для экономической науки то же, что Пуансо сделал для физики и механики (Mirowski 1991).

Неудивительно, что теоретикам австрийской школы, которых занимало построение теории реальных динамичных рыночных процессов, никогда не знающих равновесия, это направление исследований представлялось крайне ошибочным. Кроме того, Визер порицает панфизикалистов за неспособность понять, что законы экономической теории по необходимости должны быть генетико-каузальными*, а не функциональными, поскольку происхождение явлений здесь открывается путем интроспекции, а функциональные взаимосвязи, как мы уже отметили, синхронны, не оставляют места для времени и предпринимательского творчества и устанавливают связи между разнородными количествами с временной точки зрения.

Однако только после работ Мизеса и Хайека представители австрийской школы в полной мере осознали методологическую пропасть между собой и коллегами, изучающими неоклассическую модель равновесия. Это осознание пришло в ходе двух других важных дискуссий с участием австрийцев: дискуссии по вопросу о невозможности социализма и полемики между Хайеком и Кейнсом. Ниже мы детально рассмотрим вклад, сделанный Мизесом и Хайеком, а также ключевую роль этих дискуссий в последующем развитии австрийской парадигмы.

* «Генетический» в данном контексте указывает на временную последовательность. — *Прим. ред.*